

**ОЛЕГ
ГРИГОРЬЕВ**

**ШЛИ ВПЕРЕД—
ПРИШЛИ НАЗАД**

Санкт-Петербург

АЗБУКА-ПОЭЗИЯ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)-5
Г 83

Оформление обложки Вадима Пожидаева

В оформлении обложки использованы фотографии
работы Сергея Подгоркова и Александра Реца,
а также рисунки Александра Флоренского

- © О. Е. Григорьев, наследники, 2018
- © М. Д. Яснов, составление, статья,
2018
- © С. В. Подгорков, фото, 1991
- © А. О. Флоренский, рисунки, 2018
- © Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15318-9

«СВИДЕТЕЛЬ ПО ДЕЛУ ЖИЗНИ»

Каждый год в декабре друзья поэта Олега Григорьева, уже немногочисленные и немолодые, отмечают день его рождения: «Сегодня ему исполнилось бы...» Приходится прибегать к сослагательному наклонению — такие поэты, как Григорьев, долго не живут.

Олег Григорьев был мастером достаточно загадочного литературного жанра под названием «черный юмор». Он и сам был живым воплощением этого жанра. Когда мы поминаем черный юмор, то понимаем, что его комический эффект всегда идет от противного: вроде бы то, о чем говорится, должно вызывать отвращение, а нам смешно. Художница Ольга Флоренская, хорошо знавшая Григорьева, вспоминает: «Олег замечательно рассказывал, пока был не совсем пьян, разные истории из его жизни и жизни его жутких знакомых. Рассказывал серьезно, обстоятельно, со множеством мелких бытовых подробностей. Было смешно до истерики, не смотря на явный ужас содержания».

«Смеяться, когда нельзя», — формулировал Михаил Бахтин. «Смех как сопротивление насилию», — 5

говорил Андре Бретон. Эпитет «черный» по отношению к юмору он употребил в одном из своих выступлений осенью 1937 года, а его знаменитая «Антология черного юмора», заново открывшая и утвердившая этот жанр в культуре двадцатого столетия, вышла в 1940-м. Ее продажа была тотчас приостановлена военной цензурой: в ретроспективе — факт знаменательный, особенно с нашей, отечественной точки зрения, если учесть, что времена расцвета черного юмора, как правило, приходится на периоды политических репрессий или на эпохи, когда главную скрипку играет эстетика пошлости и скудоумия.

Олег Григорьев, кстати, это блестяще доказал. Шестидесятые–восьмидесятые годы прошлого века, на которые пришлась его творческая жизнь, выпестовали в нашем обществе резкий, отчетливый тип внутреннего эмигранта, в душе своей чуждого всего официального, презирающего строй и власть, но не идущего на прямую конфронтацию с ними, а предпочитающего занять свою, по возможности отдаленную и отделенную от них нишу. Культура улиц и кухонь, культура тайного протеста, ерничанья, насмешки, анекдота стала фактически культурой народа, его живым фольклором. Сам маргинальный образ жизни оказался наделен глубоким и серьезным смыслом — достаточным, чтобы возникла новая литература.

Григорьев родился 6 декабря 1943 года в Вологодской области. Дед его по матери был репрессирован. Отец вернулся с фронта, — но запил. Мать

Олега с двумя детьми уехала в Ленинград, в котором и прошла вся жизнь будущего поэта и где он умер 30 апреля 1992 года.

В детстве Олег был, как тогда говорили, «центровым». Жил он с матерью и старшим братом в двух шагах от Дворцовой площади — и все игры проходили в центре города: во время демонстраций, когда ребята забирались под трибуны и мерзли до посинения, опасаясь попасть в руки милиции, в проходных дворах на Невском или в собственном дворе, где им приходилось ежедневно завоевывать свое право на место под солнцем.

Олег рано начал рисовать. Но большинство его детских рисунков погибло во время наводнений, когда что ни год вода заливала подвальную комнату, где они тогда жили. Он хотел учиться, но в первый же школьный день у него украли портфель со всеми столь тяжело по тем послевоенным временам собранными учебниками и тетрадями. Он хотел дружить с ребятами — но не знал, как с ними ладить. Он хотел рисовать одно — педагоги заставляли делать совсем другое...

Вот и из художественной школы его изгнали за то, что рисовал не то и не так. За то, что был насмешлив и скандален. За то, что имел особый взгляд, улавливающий смешную и трагичную алогичность жизни. Больше всего Григорьев любил рисовать предметы быта — рядовые, обезличенные: кухонную утварь, рабочую разношенную обувь, будничную одежду, грубо сколоченную мебель. А также — насекомых, птиц, животных и многочис-

ленные детские и взрослые фигурки, такие же обезличенные, лежащие вповалку или бегущие куда-то в никуда за край желтого оборванного листа.

В эти ученические годы — не став живописцем, но сохранив дружбу и духовную связь со многими известными ныне художниками — он и начал писать стихи. Стихи оказались так же не востребова- ны, как его рисунки. Началась маргинальность: пьянство, отсидка в «Крестах», ссылка, вытеснение из литературной взрослой жизни в детскую, из литературной детской — в жизнь, существующую вне литературы; началась бытовая несовместимость с миром, психушка, снова «Кресты», бездомность, ранняя и нелепая смерть...

И все-таки Олег Григорьев стал поэтом, — может быть, самым значительным поэтом русского андерграунда. При жизни у него вышло всего три книги стихов для детей. Сборники, появившиеся после его смерти, уже определили место Григорьева в ряду самых ярких имен русской поэзии недавнего времени.

Рисунки Григорьева оживают в его стихах, где нельзя провести границу между детским и взрослым миром, но ощущаешь себя в состоянии какой-то вечной подростковости; где все постоянно превращается друг в друга и в свою противоположность; где простодушный примитивистский взгляд художника дотошно вычленяет, что, как, каким образом сделано и устроено. Многие его произведения — это просто перечни: деталей, рецептов, фигур, движений, параграфов, школярских выходов,

8 пьяных разборок, рабочих операций.

Стихи Григорьева можно назвать высокой поэзией низкого быта. Он превращает низовую эстетику советской реальности в литературный факт. Его поэтический примитивизм — многозначный символ той русской жизни, которая, выветриваясь, как мозаика, тем не менее навсегда остается даже в осколках, штрихах, контурах, пятнах, обрывках фраз, фрагментах слов, отзвуках рифм.

Судьба Григорьева типична для российского поэтического быта. Бедолага, пьяница, головная боль милиции и восторг кликушествующих алкашей, почти бездомный, разбрасывающий стихи по своим временным пристанищам, — он был человеком светлого ума, образованным, поразительно органичным. В трезвые минуты — обаятельный, умный, ироничный собеседник; в пьяные — чудовище, сжигающее свою жизнь и доводящее до иступления окружающих. Эта горючая смесь высот бытия и дна быта пропитала его стихи, сделала их ни на что не похожими, превратила грязные, стыдные, но такие реальные окраины жизни в факт подлинной поэзии.

Писатель Александр Крестинский, выступавший как общественный защитник в одном из судебных разбирательств над Григорьевым, впоследствии писал: «Олег Григорьев — поэт люмпенизированного российского мира, в котором стерлась граница между зоной и свободой, между тюрьмой и не-тюрьмой, между птицей в клетке и птицей на ветке. Когда захотят изучить и понять процесс нашего нравственного одичания — прочтут Григорьева, и многое станет ясно... Григорьев — эпик в своем от-

странении от эмоциональных оценок, в сознательной объективизации того, что описывает. Берется обыденный, повседневный ужас, облекается в григорьевскую поэтическую конструкцию — и вот он уже почему-то не ужас, а некая форма жизни».

Черный юмор, привычно играющий в кубики смерти, превращающий смерть в игру, тем самым выполняет мощную защитную функцию, предохраняя слушателя, читателя и зрителя от угнетения той реальности, которая ополчается на человека и грозит ему всеми возможными карами. Поэтому смерть — в разных своих ипостасях — любезный гость и в поэтическом мире Григорьева. Она постоянно соседствовала с поэтом в реальной жизни — гибли от алкоголя, кончали с собой, становились жертвами сомнительных несчастных случаев его друзья. Так же и в стихах — многие герои Григорьева ходят по зыбкой грани между жизнью и смертью, легко перемещаясь из одного состояния в другое:

Смерть прекрасна и так же легка,
Как выход из куколки мотылька.

Это двустороннее нередко вспоминают. По частоте элитарного цитирования, связанного с запретностью судьбы или темы, Григорьев пришел на смену Вознесенскому и Евтушенко шестидесятых годов и Бродскому семидесятых. После скандала, раздутого литературными чиновниками в связи с выходом книги Григорьева «Витамин роста», имя поэта стало гонимым, то есть — почетным. Славе и «цитатности» во многом способствовал жанр афористич-

ной миниатюры (идуший от раешника и частушки), чаще всего встречающийся в творчестве Григорьева. Собственно, фольклорность автора и позволяет говорить о нем как о народном поэте не по званию, а по призванию.

Эта фольклорность «пришла» к поэту буквально сразу. В восемнадцать лет Олег Григорьев написал четверостишие, сейчас известное чуть ли не каждому, — про электрика Петрова, который «намотал на шею провод». Многие удивляются, узнав, что у этого стихотворения есть автор. Знаменитые «бандитские» стихи, садистские куплеты, которые с таким вожделием еще не так давно пересказывали друг другу мальчишки и девчонки (а вслед за ними и взрослые), на самом деле имели свою «литературную» предысторию и, судя по всему, во многом пошли от стихов и «страшных» рассказиков Олега Григорьева — особенно после громкого, но неофициального успеха его первой детской книги «Чудакки», вышедшей в 1971 году. Взрослая обращенность детской поэзии Григорьева сделала его широко популярным прежде всего в родительской среде, а парадоксальность поэтического мышления — в детской.

Разговоры об этой парадоксальности зачастую заставляют сближать Григорьева с обэриутами. На мой взгляд, это не совсем так. Обэриуты «доводили» литературный абсурд до жизни, утверждая его как реальную эстетическую категорию. Григорьев жизнь доводит до абсурда, обнажая низовую эстетику ее реальности.

В чем действительно прослеживается связь между Григорьевым и, скажем, Хармсом — так это в их театральности, поэтической буффонаде, в многочисленных сценках, диалогах, в «школьном театре». Однако и тут речь идет о более глубокой традиции, которая заденет и Козьму Пруткува с его высокоумной афористичностью, и А. С. Шишкова с его «разговорными» детскими опусами, — и уйдет в фольклор, в лубок, в раешник народного театра.

Подо всеми театральными масками, в которые рядятся герои Григорьева, угадывается ранимый, бесконечно обманывающийся и в то же время поддельски лукавый и «подначивающий» автор — подросток и чужак. И здесь мы опять оказываемся «внутри» традиции. Ведь начиная еще с двадцатых годов одним из героев, например, детской поэзии (в противовес «героям дня» и барабанному оптимизму) становится чужак, человек, прежде всего в своем бытовом поведении противопоставленный обществу, существующий сам по себе, по своим, казалось бы, странным законам, — однако при ближайшем рассмотрении эти странности оказывались вполне естественными и человеческими на фоне античеловеческой действительности. Уже тогда детская поэзия зафиксировала значительное и, надо признать, весьма показательное общественное явление — чужачество как форму социальной внутренней эмиграции.

Едва появившись, многие стихи Григорьева стали классикой, поскольку оказались написанными блестящим, афористичным эзоповым языком советского (вернее — антисоветского) подполья.

Отсюда они переключивались в падкий на черный юмор мир детей и подростков, который жадно впитывал и пародировал ту, по выражению Лидии Гинзбург, «игру в идиотизм», что отражала всю в целом государственную тоталитарную систему с ее бытовым цинизмом и «недоумочностью» насаждавшихся мифов. На давнее «взрослое» двестише Григорьева:

Шел я между пилорам,
Дальше шел я пополам, —

тут же отзывается детский фольклор:

Маленький Петя льдинку колол.
Сзади бесшумно подплыл ледакол.
Нету картинки смешнее на свете:
Справа пол-Пети и слева пол-Пети.

И снова далеким эхом возвращается к поэту:

На заду кобура болталась,
Сбоку шашка отцовская звякала.
Впереди меня все хохотало,
А позади все плакало.

Как ни странно, подобные образчики черного юмора становятся чуть ли не своего рода ориентирами: они обозначают зону, куда если и заступать, то вооруженный смехом и чувством сокрушительной иронии.

Оставаясь всю жизнь ребенком, подростком, Григорьев не успел стать стариком. Он умер от непосильного пьянства, от бездомности, от жизни, перелопаченной милицией, бесцеремонными знаком-

цами и литературными начальниками. Во многом он и сам хотел такой жизни, сам не мог обойтись без этого круговорота поэзии и прозы, возвышенности и животности. Его судьба стала чем-то вроде литературного жанра — перевертышем, перепутаницей, добро и зло сосуществовали в ней порою под масками друг друга. Можно еще раз вспомнить Александра Крестинского, сказавшего про Олега: «Литература проходила свидетелем по делу жизни».

Михаил Яснов

Из книги
«ЧУДАКИ»

1971

БУКЕТ

Продавец маков
Продавал раков.
Тут подошел
Любитель маков
И возмутился,
Увидев раков:
— Вы, кажется,
Продавали маки,
А у вас тут
Сплошные раки.
— Ну и что же? —
Сказал продавец. —
Не все ли равно,
Наконец!
Вареный рак
Красен, как мак,
По-моему, так,
А по-вашему, как?
— Да, это так, —
Сказал любитель маков. —
Хоть я и не любитель раков,
Но коль сегодня маков нет,
То дайте раков мне букет.

ТАРАКАН

На скатерть
во время
обеда
выполз
такой
таракан,
что, если
стаканом
накрыть
таракана,
таракан
увезет
стакан.
Стакан
упадет,
и не станет
стакана,
и убежит
таракан,
а после
вернется
и, очень
возможно,

свалит
другой
стакан.
Поэтому я,
поймав
таракана,
сунул его
в карман,
а чтоб
таракан
не ушел
из кармана,
в карман
опустил
стакан.

МОРЯК

Молодой моряк в матроске
Вышел к берегу реки.
Снял матроску по-матросски,
Снял морские башмаки,
По-матросски раздевался,
По-матросски он чихнул,
По-матросски разбежался
И солдатиком нырнул.

СОСЕД

Пришел сосед к Петрову,
Сказал: — Петров, привет! —
Петров сказал: — Здорово!
Садись на табурет. —
Сосед приободрился,
Сказал: — Смотри, Петров,
Как твой башмак раскрылся:
Он съесть меня готов! —
Петров привстал немножко,
Сказал: — Да, это так. —
И выкинул в окошко
Разорванный башмак.
Сосед не удивился,
Сказал: — Смотри, Петров,
Пиджак твой изнашивается
От плеч до рукавов. —
Петров привстал немножко,
Сказал: — Да, это так. —
И выкинул в окошко
Поношенный пиджак.
Сосед не удивился,
Сказал, помяв берет:
— Смотри, как накренился

Твой старый табурет. —
Петров схватил за ножку
То, что назвал сосед,
И выкинул в окошко
Соседа и берет.

ДОЖДЬ

Я зонт раскрыл
Перед собой:
Чудесная пора!
Под мышку сунул
Зонт второй.
Лил дождь
Как из ведра.
В небесах
Взрывались тучи.
Третий взял
На всякий случай.
Зонт четвертый
Сунул в бок,
Чтоб я сбоку
Не промок.
Пятый зонтик
На спине,
Чтоб не дуло
В спину мне.
А дырявый зонт шестой
Я раскрыл над головой.

ЯМА

- Яму копал?
- Копал.
- В яму упал?
- Упал.
- В яме сидишь?
- Сижу.
- Лестницу ждешь?
- Жду.
- Яма сыра?
- Сыра.
- Как голова?
- Цела.
- Значит, живой?
- Живой.
- Ну, я пошел домой.

БАК

В бак налили кипяток.
Бак закрыли на замок.
Не поднять его никак,
Точно сейф, тяжел наш бак.
Сбоку кружка на цепи:
«На, попробуй, отцепи».
Бак запаян, замурован,
Ввинчен в пол, к стене прикован,
Остается к баку
Привязать собаку.

ГОСТЕПРИИМСТВО

— Встаньте с этого дивана,
А не то там будет яма.
Не ходите по ковру —
Вы протрете в нем дыру.
И не трогайте кровать —
Простынь можете помять.
И не надо шкаф мой трогать —
У вас слишком острый ноготь.
И не надо книги брать —
Их вы можете порвать.
И не стойте на пути...
Ах, не лучше ль вам уйти?

КОНФЕТЫ

Я нес домой
Кулек конфет.
А тут навстречу мне
Сосед.
Снял берет:
— О! Привет!
Что несешь?
— Кулек конфет.
— Как — конфет?
— Так конфет.
— А компот?
— Компота нет.
— Нет компота
И не надо...
А они из шоколада?
— Да, они из шоколада.
— Хорошо,
Я очень рад.
Обожаю шоколад.
Дай конфету.
— На конфету.
— А вон ту, а ту, а эту...
Красота! Вкуснота!

А вот эта, а вон та...

Больше нет?

— Больше нет.

— Ну, привет.

— Ну, привет.

РАДУШНЫЙ ХОЗЯИН

- Ты будешь дома?
— Я буду дома.
— Хорошо, я к тебе зайду.
— Заходи, но только без Тома.
— А кто такой Том?
— Один чудака с широким ртом,
Впрочем, он тебе не знаком.
Итак, жду тебя завтра к шести.
— Хорошо, я приду.
— Только Тима с собой не веди.
— А кто такой Тим?
— Да мы когда-то учились с ним.
Такой огромный с большим животом.
Впрочем, ты тоже с ним не знаком.
Итак, жду тебя завтра в шесть.
Постой, а костюм у тебя новый есть?
— Нет, у меня лишь один пиджак.
— Очень плохо, коль так.
Слушай, завтра к шести
В пиджаке этом не приходи.
Посиди лучше дома.
И передай привет,
Если встретишь Тима и Тома.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Михаил Яснов. «Свидетель по делу жизни»</i>	5
Из книги «Чудаки». 1971	15
Из книги «Витамин роста». 1980	47
Из книги «Говорящий ворон». 1989	59
Из книги «Стихи. Рисунки». 1993	81
Из книги «Птица в клетке». 1997.....	233
Из книги «Винохранитель». 2008	333

Григорьев О.

Г 83 Шли вперед — пришли назад : стихотворения / Олег Григорьев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 384 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-15318-9

В этом издании публикуются избранные стихотворения замечательного ленинградского поэта Олега Григорьева. При жизни он был известен прежде всего как детский поэт, его стихи «для взрослых» до начала перестройки не публиковались и получили широкое распространение в устном бытовании, воспринимаясь как городской фольклор. «Шестидесятые–восьмидесятые годы прошлого века, на которые пришлась творческая жизнь Григорьева, выпестовали в нашем обществе резкий, отчетливый тип внутреннего эмигранта, в душе своей чуждого всего официального, презирающего строй и власть, но не идущего на прямую конфронтацию с ними, а предпочитающего занять свою, по возможности отдаленную и отделенную от них нишу. Культура улиц и кухонь, культура тайного протеста, ерничанья, насмешки, анекдота стала фактически культурой народа, его живым фольклором. Сам маргинальный образ жизни оказался наделен глубоким и серьезным смыслом — достаточным, чтобы возникла новая литература» (Михаил Яснов). Остроумные, яркие, запоминающиеся, полные парадоксов, стихи Олега Григорьева вызывают то улыбку, то грусть, но только не оставляют равнодушными.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)-5

Литературно-художественное издание

ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВ

ШЛИ ВПЕРЕД — ПРИШЛИ НАЗАД

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректор Станислава Кучепатова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.09.2018. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область, Промышленная зона
Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-PTR-23697-81-R